Прибирал дома в одном из книжных шкафов и наткнулся на первую книгу стихов известного в крае и за его пределами поэта — Николая Михайловича Черкасова «Отава», изданную Алтайским краевым книжным издательством в 1966 году. Пятьдесят лет стихотворному сборнику, и пятьдесят лет назад я впервые познакомился в литературном объединении при газете «Молодежь Алтая» с Черкасовым: смуглым, невысоким, но крепким и подвижным человеком с обаятельной улыбкой. Его замечания по поводу наших стихов были точными, он, как опытный мастеровой, определял их суть и на глаз, и на слух.

В 2016, юбилейном для Алтайской краевой писательской организации, году Николаю Михайловичу Черкасову — уроженцу села Панфилова Калманского района, соседнего с Барнаулом, исполнилось бы 19 июня 78 лет.

В 1966 году он был участником семинара молодых писателей Урала и Западной Сибири, проходившего в городе Кемерово, где его первая книга «Отава» была замечена маститыми поэтами Василием Фёдоровым и Леонидом Решетниковым. Кстати, с Василием Фёдоровым, написавшим о Родине ироничные и запоминающиеся строки:

Стройным
Хвастая станом,
Высотою груди,
Очень уж иностранно
На меня не гляди.

Моё имя
Василий,
И должна понимать, —
Моё имя с Россией
Хорошо рифмовать —

Николай Черкасов поддерживал творческую дружбу, советуясь с ним по поводу своих стихов долгие и долгие годы. Василий Фёдоров, вне всякого сомнения, признанный советский классик, у которого много замечательных стихов и поэм, а эти строки я процитировал потому, что запомнил их влёт — с голоса, а не с листа.

Многие поэты, в том числе и Фёдоров, по праву считали стихи Николая Черкасова необыкновенно лиричными и преисполненными любви к родной стороне, к Родине.

НА РОДИНЕ

На родине
крушина зацвела,
от запаха её
хмелеют сосны.
И снова
от села и до села
берёзы бродят
разнотравьем росным.

По берегам
лопочут тальники,
склонясь над неторопкою
волною.
И коростель-отшельник
у реки
непримиримо спорит
с тишиною.

У сельской школы,
светлой и большой,
шумит моё
вернувшееся детство.
И на душе моей
так хорошо,
как будто мир я
получил в наследство.

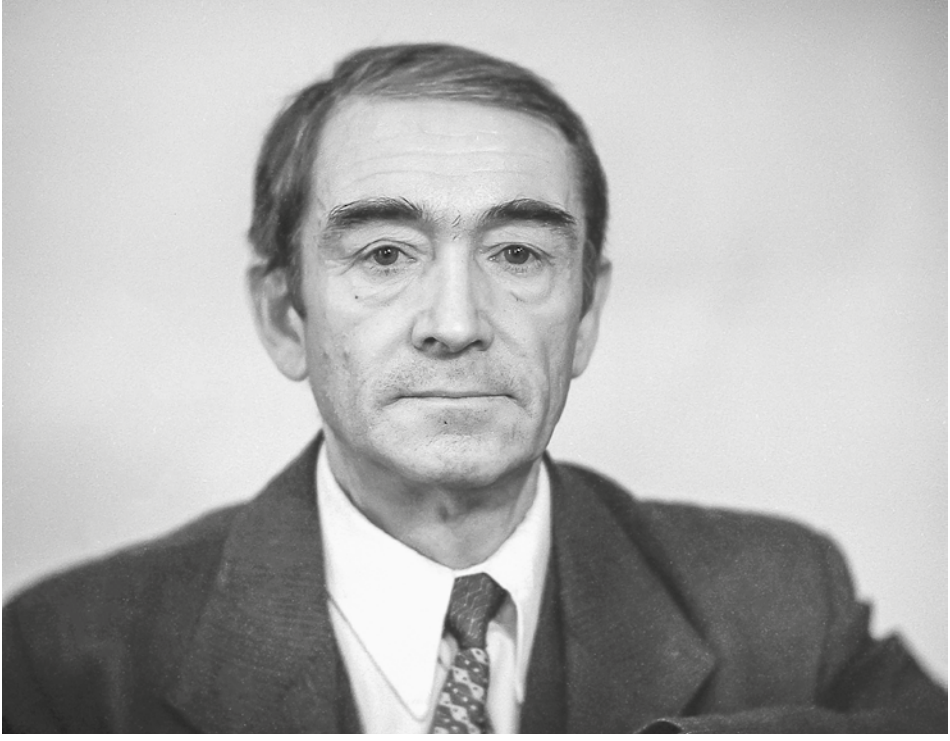
И хочется
неодолимо мне
с любым прохожим
дружески обняться…
Здесь от любви
к родимой стороне
стальное сердце
может разорваться.

Я хочу рассказать об одной из своих встреч с Николаем Михайловичем Черкасовым и поведать о судьбе моего стихотворения «И лес не тот, река не та…», которое пролежало в письменном столе лет пятнадцать.

В дрожащий, как пьяница с похмелья, старенький трамвай вошел на остановке «Улица Пушкина» Николай Черкасов. Завидев меня, он улыбнулся своей мальчишеской улыбкой, и, пожав руку, присел рядом на сиденье.

— Когда, Володя, поедем на рыбалку вверх по Оби до Шадрина, до загадочной Прорвы, а то и до родной Калманки? Всё собираемся да собираемся, а вырваться никак не можем? — спросил он.

Действительно, мы не раз договаривались мотнуть на рыбную ловлю. Причем, моторная лодка, да не одна, была у меня, как говорится, под боком, но по житейским причинам поездка минимум на три дня, а то и на неделю (по реке путь неблизкий), откладывалась.



***Николай ЧЕРКАСОВ** (1938–1993). Фото Бориса Брязгина. Из фондов ГМИЛИКА*

Ехать в тряском трамвае нам с Николаем Михайловичем предстояло около часа, через весь город до Потока, до Моторного завода, и разговор постепенно перетек на поэзию. Я прочитал ему недавно написанное стихотворение:

И лес не тот, река не та…
Лишь ночь волнует нас по-прежнему.
Уходит в темень суета,
Шурша ногами по валежнику.
Погас костёр. Стоим. Молчим.
И видим: по ночной реке,
Ломая лунную дорожку,
Скользит «Ракета» налегке.
И смотрит бакен в ночь сторожко
В давно минувшие века.
И кажется, что тишина
Крадётся к нам издалека.
В столетье шумное со дна
Реки времён, реки племён,
Когда ценили мы природу,
Не загрязняли нефтью воду…
И знали, что со всех сторон
Нас окружают травы-боги,
Деревья-боги, небо-бог….
И рушить человек не мог
Лесов зелёные чертоги!

Выслушав меня, Черкасов отметил, что стихотворение неплохое, но несколько длинноватое. «И ты в нем, как бы переносишь человека в золотой век, а его, возможно, и не было на земле, превозносишь человека, а он, как был хищником, — так им и остался». И процитировал:

В глазах ещё белым-бело…
По северу кочуя,
Я видел лебедя крыло,
Я видел лебедя крыло…
Им подметали в чуме.

— Ты представляешь, Володя, как емко, в пяти строчках, Василий Фёдоров передал отношение к природе, свою боль! — воскликнул он, по-воробьиному встрепенувшись. — Так сказать мог только самобытный художник!..

После паузы произнес:

— Приноси подборку, Володя, и это стихотворение, где много удачных строк. Напечатаем в альманахе «Алтай»! А лучше, — подумав, добавил мэтр, — пусть оно отлежится. Убери строчки про нефть, про лобовое отношение во взаимоотношениях человека и природы…

Я с юности, с литобъединения, дорожил мнением Николая Черкасова. Мы с поэтом Михаилом Прокопчуком, моим другом — теперь уже покойным, не раз вечеровали в двухкомнатной квартире на улице Эмилии Алексеевой, приезжая к Николаю Михайловичу за советом.

К работе над стихотворением «И лес не тот, река не та…» я вернулся только в 2001 году, и позже опубликовал его в книге «Белый бакен» (2002).

И лес не тот, река не та…
Лишь ночь волнует нас по-прежнему.
Уходит в темень суета,
Шурша ногами по валежнику.

Погас костёр. Стоим сторожко.
И видим — по ночной реке,
Ломая лунную дорожку,
Скользит «Ракета» налегке.

И смотрят бакены — до дна,
В давно минувшие века.
И чудится, что тишина
Струится к нам издалека.

При жизни Николая Черкасова вышли в свет девять его поэтических книг. Он занимался переводами стихов украинских, белорусских, алтайских и немецких поэтов.

Лауреат краевой литературной премии им. В.М. Шукшина Николай Черкасов — автор многих популярных песен, созданных в содружестве с композиторами: Михаилом Стариковым, Алексеем Лобановым, Эммануилом Юнкманом.

С 2003 года на родине поэта в Калманском районе проходили Черкасовские чтения. На здании средней школы в селе Панфилове была установлена памятная мемориальная доска, с 2004 года учреждена литературная премия, которая ежегодно вместе с серебряным значком, дипломом

и денежным вознаграждением вручалась лауреатам. Меня как лауреата престижной премии Черкасова 2007 года за поэтическую книгу «Листая лоцманскую карту» (ЛПФ «Август», 2006) — в нее вошли и стихотворения, посвященные Николаю Черкасову, возмущает несправедливость! Возмущает до глубины души то, что Черкасовские литературные чтения не проводятся с 2009 года. Тогда чиновники администрации Калманского района говорили, что из-за скудности бюджетных средств, они будут проводить чтения раз в пять лет по юбилейным датам. Однако в юбилейный для Черкасова 2013 год чтения не состоялись. К сожалению, и краевая писательская организация не сумела отстоять чтения.

ПЛАЧ ПО ОБИ

Вновь опустела речная долина,
словно сироты, стоят берега.
Смотрят на Обь обречённо талины,
воды смиряет густая шуга.

Не торжествуют пернатые в небе,
и на земле ощущенье потерь:
будто бы из дому вывезли мебель,
выбили окна и вышибли дверь.

Не потому ль бестолково и шало,
чуя, что ветер упорен и лют,
волны толкутся, как неформалы,
что защищают гражданский уют.

Мысли и время проносятся мимо,
но — вот беда! — не могу я постичь,
что же влечёт меня неодолимо
в это бездомье, в заречную дичь?

И возникает такая догадка,
(в ней убеждать я не стану других):
мы посещаем больных для порядка
чаще, чем прежде, — при здравии их.

Как же нам быть в этом мире тревожном?
Что же нам делать, не поздно пока?
Обь же больна — если не безнадёжно,
то уж хронически наверняка.

Может, на шею увесистый камень?
и, не боясь той незримой черты,
броситься в реку с обрыва, покамест
есть в ней глубины, где воды чисты.

Николай Михайлович Черкасов плачет по Оби, а если взглянуть пристальнее, то и по переменам в жизни. А мы, писатели, в кулуарах лишь ворчим, но не добиваемся возобновления литературных чтений на родине поэта.

Через десять лет после смерти Черкасова в 2003 году вышли две его поэтические книги — «Избранное: Стихотворения. Поэма» под редакцией Владимира Казакова и «Лирика: Стихотворения. Поэма (Грани)» (Библиотека журнала «Алтай»).

Начали за здравие: две поэтические книги, краевые литературные чтения (идея Владимира Свинцова), литературные премии с вручением серебряных значков. Здóрово! А через пять лет, к семидесятилетнему юбилею Николая Михайловича Черкасова в 2008 году, закончили за упокой. Потеряли, якобы, в одном из новосибирских издательств, книгу воспоминаний о поэте (составитель — Владимир Казаков). После трагической гибели Владимира Свинцова пропали в издательстве рукописи еще двух книг: «Избранное» Николая Черкасова и сборник стихов пяти лауреатов краевой литературной премии имени Н. М. Черкасова — они должны были увидеть свет в книжной серии «Городская библиотека», но этого так и не случилось. Причина проста: недогляд писательской организации и недобросовестное отношение барнаульских издательств, ответственных за выпуск книг.

Иногда в беседах проскальзывало у Николая Михайловича желание удалиться в глушь и поработать егерем или бакенщиком. И подспудно несколько лет назад родилось у меня грустное (а с чего веселиться?..) стихотворение.

Николаю Черкасову

Перекат Налимный
В устье Чарыша.
Остров Черемшиный.
Где же черемша?

Нет её в забоке.
Верю, что была!
Не строчит сорока,
Не шумит ветла.

Тайны топонимики
Гаснут в бездне лет.
Бакенщики-лирики,
Почему вас нет?

Нет огней на створах
И на бакенах.
Бьётся в кряж сурово
Тёмная волна.

Пока живы мы, старшее поколение писателей (на молодых членов союза писателей нет у меня надежды, эгоисты), нужно объединить усилия, привлечь общественность, все литературные силы и возобновить к восьмидесятилетнему юбилею Николая Черкасова краевые литературные чтения, посвященные его памяти. Не получится на малой родине поэта — провести в Барнауле. Надо сделать все, чтобы жила в людской памяти светлая, грустная, наполненная гражданственным трагизмом военных и послевоенных лет лирика поэта. Пусть никогда не будет темной волны, и сияют на створах огни «бакенщиков-лириков».